
Б. И. КУЗНЕЦОВ

Повесть о Варлааме и Иоасафе

(К вопросу о происхождении)

«Повесть душеполезная об отшельнике Варлааме и царевиче индийском Иоасафе» — одна из самых распространенных в древнерусской литературе переводных повестей. Впервые это произведение стало известно в Европе около тысячи лет назад благодаря греческому переводу, сделанному с одной из восточных версий. В начале XI в. Повесть была переведена с греческого на латинский, а затем и на многие другие европейские языки, в том числе и на русский. Русский перевод Повести до сих пор не изучен, но в этой статье речь пойдет о другом нуждающемся в нашем внимании вопросе — о происхождении Повести.

Одна из наиболее ранних версий Повести, арабская, примерно в VIII в. была переведена со среднеперсидского языка. И. Ю. Крачковский в предисловии к выполненному В. Р. Розеном русскому переводу этой арабской версии писал: «19 ноября (2 декабря по новому стилю, — *Б. К.*). . . память „преподобных Варлаама пустытника, Иоасафа, царевича индийского, и отца его, царя Авенира“. Знакомый с этими именами будет немало поражен, встретив в настоящей повести-житии вместо христианских святых странные фигуры Билаухара, Будасфа и Джанайсара. Однако если Будасф напомнит ему Бодисатву, одно из имен Будды, то в интересной историко-литературной загадке будут правильно намечены вехи. Бодисатва-Будасф-Иоасаф — вот внешние отражения тех скитаний, по которым проходила одна легенда о юности Будды, создавая на своем пути выдающийся памятник мировой литературы, одинаково близкий и Востоку и Западу».¹ Мнение о том, что Повесть представляет собой вариант биографии Будды, в настоящее время является общепринятым.

Повесть, причем особенно ее арабская версия, действительно обнаруживает некоторое сходство с традиционной биографией Будды-Гаутамы, основателя буддизма.² Это сходство проявляется, однако же, только в том, что начало Повести, в котором говорится о детских и юношеских годах Иоасафа, содержит эпизоды, очень похожие на те, которые мы находим в самом начале биографии Будды, но зато во всем остальном Повесть и биография Будды не имеют между собой ничего общего. Подробнее об этом будет говориться ниже.

А. Кириичников одним из первых высказал сомнение в том, что Будда является прототипом Иоасафа. Сопоставляя известный эпизод встречи

¹ Повесть о Варлааме пустыльнике и Иоасафе, царевиче индийском. Пер. с арабск. акад. В. Р. Розена под ред. и с введ. акад. И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1947, с. 5.

² History of Buddhism (chos-hbyung) by Bu-ston, part II. The History of Buddhism in India and Tibet. Transl. from Tibetan by Dr. E. Obermiller. Heidelberg, 1932.

Буддой старика, больного, мертвеца и монаха, как он излагается в традиционной биографии Будды, с эпизодом из Повести о встрече Иоасафом двух больных и старика, он указал на следующее: в Повести значение встречи прекрасно мотивировано предшествующим эпизодом, а именно пребыванием царевича во дворце, т. е. Иоасаф, в отличие от Будды, был подготовлен к этой встрече рассказами своего воспитателя; в житии Будды этот эпизод не вполне уместен. В Повести только две встречи — с больными и стариком, в биографии Будды — четыре, а известно, что эщические дублеты есть свойство позднейших редакций и заимствований.³

К этим замечаниям Кирпичникова мы еще вернемся, но начнем с того, что рассмотрим то общее, что есть у Будды с Иоасафом. В качестве основных источников для сопоставления мы будем пользоваться переводом Розена арабской версии, поскольку она ближе к биографии Будды, чем грузинская и греческая, и изложением той же биографии, сделанным в начале XIV в. тибетским ученым Бутоном.⁴ Это изложение является авторитетным, поскольку составитель использовал все основные источники по биографии Будды, из которых часть сохранилась полностью только на тибетском языке.

По предположению И. Ю. Крачковского, Повесть сформировалась в Индии, оттуда она проникла в Персию, где получила письменную обработку в VI—VII вв. Эта письменная версия не сохранилась, но о ней можно строить некоторые предположения на основе побочных данных и переводов на другие языки, которые делались, по-видимому, с этой утраченной версии.⁵

Действие арабской версии Повести происходит в Индии, в стране Шавилабатт (Шолайт — в грузинской версии). В этой стране правит царь Джанайсар (Абенесер-Абенес — в грузинской версии, Абенер — в греческой версии), у которого рождаются дочери, но нет сына. Старшей жене царя снится сон: белый слон летит по воздуху и опускается на нее, не причиняя ей вреда. Прорицатели объясняют царю, что у него родится сын.⁶

Согласно биографии Будды, отец Будды — царь Шуддходана, у которого благополучно рождается первенец, сын Гаутама. До рождения сына его мать видит во сне, как на нее опускается белый слон, не причиняя ей вреда. Этому эпизоду предшествует пророчество о том, что Будда будет царем всего мира. Рассказывается также о совете богов на небе, где обсуждается, в каком облике, где и когда должен появиться будущий Будда. Решено, что он должен опуститься на землю в облике белого слона, поскольку этот образ встречается в древних индийских священных книгах — Ведах.⁷

Эта часть биографии Будды достаточно подробна, например здесь детально описывается белый слон, тогда как в арабской версии обо всем этом сказано в нескольких словах, но зато содержится отсутствующий в биографии пространный рассказ о споре царя с отшельником, который когда-то был царским сановником.

Далее, согласно Повести, у царя рождается прекрасный и лучезарный сын, в честь которого устраивается праздник на целый год. Звездочеты предсказывают: «...мальчик достигнет такого величия и такой высоты почетной степени и знатного сана, каких никогда во всей индийской земле

³ А. Кирпичников. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Харьков, 1876, с. 224.

⁴ History of Buddhism. . .

⁵ Повесть о Варлааме пустыльнике. . ., с. 7.

⁶ Там же, с. 24.

⁷ History of Buddhism. . ., p. 10—11.

ни один царь не достигал. И все сошлись на том, но только один из них, человек престарелый и знающий разные тайны звезд, понял свойства мальчика и сказал: „Не думаю я, что величие и сан и превосходство, которых, как мы нашли, достигнет этот мальчик, будет иным, как величие вечной жизни, и не полагаем мы, что он будет чем-нибудь иным, как воздем в вере и подвижничестве, а это есть превосходство на ступенях к вечной жизни”». ⁸

Царь приказывает, чтобы для принца был отведен особый город. Выбирает из надежных людей воспитателей, кормилиц и слуг и приказывает им, чтобы между собой они не говорили ни о жизни, ни о смерти, ни о вере, подвижничестве, бренности и т. п. Если же случится с кем-нибудь болезнь, то чтоб его немедленно изгоняли из города. ⁹

Царевич подрастает, преуспевает в науках и выбирает себе воспитателя, который раскрывает ему тайны этого мира, по приказанию царя скрываемые от принца. Принц просит разрешения выехать на прогулку, желая тайно познакомиться с этим миром. Царь разрешает: «И приказал царь удалить с его дороги всякое зрелище скверное, и приготовить ему игры и музыку, и устлать перед ним дорогу разными цветами. . .». ¹⁰

Во время одной из прогулок он случайно встречает двух больных, а спустя много дней — древнего старца, вид которого, как и вид больных, ужасает его и заставляет задуматься о своей будущей судьбе. ¹¹

Будда, как об этом рассказывается в его биографии, рождается из правого бока своей матери, одетый. Боги совершают перед ним обряд поклонения, а новорожденный произносит небольшую речь, в которой он говорит о своем предназначении и обещает положить конец страданиям рождения, старости и смерти. По одной версии, мудрец Арана предстает перед новорожденным Гаутамай и говорит, что в эту эпоху раздоров не может быть царя всего мира, а что Гаутама станет Буддой, свободным от всего, что греховно. ¹² По другой версии, перед Гаутамай появляется мудрец Асита со своим племянником и пророчествует: если Бодисатва, т. е. Гаутама, останется дома, т. е. в миру, то он будет царем всего мира, а если он уйдет из дома и станет бездомным аскетом, то достигнет озарения, станет Буддой. Гаутама подрастает и идет в школу к учителю, но выясняется, что он преуспел во всех науках и знает больше учителя. ¹³

Далее, родственники советуют Шуддходане, отцу Будды, женить сына, чтобы он остался дома и стал царем всего мира. Начинаются поиски достойной невесты. Девушка по имени Гопа из рода Шакья сама предлагает себя в невесты, говоря, что она обладает всеми необходимыми добродетелями. Отец девушки опасается, что юный принц Гаутама, выросший в роскоши и неге, не может быть достойным мужем его дочери, и устраивает соревнования, победитель которых должен получить ее в жены. Гаутама выходит победителем в поднятии тяжестей, поднимая убитого слона одним пальцем и выбрасывая его далеко за пределы города. Он также побеждает, будучи искуснее всех в письме, арифметике и стрельбе из лука. Будда со своей женой в окружении 84 тысяч девушек ведет счастливую жизнь во дворце. ¹⁴

Боги обеспокоены слишком благополучной жизнью Гаутамы, так как если он будет оставаться дома, то не появится в этом мире спаситель

⁸ Повесть о Варлааме пустыльнике. . . , с. 31.

⁹ Там же, с. 31—32.

¹⁰ Там же, с. 38.

¹¹ Там же, с. 38—39.

¹² History of Buddhism. . . , p. 11—13.

¹³ Ibid., p. 14—15.

¹⁴ Ibid., p. 16—21.

и учитель Будда. Они направляют его мысли на путь достижения озарения. Отцу Будды в это время снится вещий сон, что его сын уходит из дома. Обеспокоенный этим, он приказывает построить для сына несколько дворцов — на каждый сезон года по одному дворцу — и окружает их стражей. Гаутама хочет на колеснице отправиться на прогулку. Царь дает разрешение, но приказывает, чтобы с его пути убиралось все неприятное и некрасивое. Но один из богов превращается в старика и попадает им на дороге. Колесничий подробно рассказывает Гаутаме о старости, которая ожидает всех людей. Расстроенный принц возвращается домой. В последующие дни во время прогулки он встречает больного, мертвеца и монаха. Всякий раз он получает подробные объяснения относительно каждого из них. О монахе колесничий говорит следующее: «Этот человек, о принц, называется нищенствующий монах. Он оставил все желания и ведет строгий образ жизни. Он ведет (духовную) жизнь и ищет себе покоя. Он свободен от страстей и ненависти и бродит, живя подаянием». На это принц отвечает: «Ты хорошо сказал, и это нравится мне. Мудрецы всегда восхваляли духовную жизнь. В ней заключено благополучие для себя и для других живых существ. В результате — благое существование, полное блаженства и бессмертия».¹⁵

На этом заканчивается то общее, что можно найти в биографиях Будасфа и Будды. Дальнейшая жизнь Будды, особенно после того как он становится проповедником и встречается со многими людьми в разных частях Индии, подтверждается различными буддийскими традициями и многочисленными рассказами, дошедшими до нас, но даже намеков на все это нет в Повести.

Белый слон, упоминаемый в двух биографиях, который снится матери будущего подвижника, не является буддийским символом или образом, а заимствован, как говорилось выше, из древней индийской религиозной литературы. В биографию Будды он включен в качестве доброго предзнаменования появлению великой личности.

Последний общий эпизод двух биографий — встреча Будасфом больного и старика, а Гаутамой — старика, больного, мертвеца и монаха. В Повести об этом говорится спокойно, кратко и реалистично, без фантастических элементов, которых в биографии Будды много и где они лишь подчеркивают исключительность героя. Есть основание предположить, что в основе двух биографий лежат рассказы или предания о царе и его праведном сыне, которые в биографии Будды были переработаны в сказку, чтобы представить основателя буддизма лицом сверхъестественным, «богом богов». Кажется наиболее вероятным переход реалистической истории в сказочную, нежели наоборот, т. е. что Повесть лучше, чем биография Будды, отражает их общий прототип.

В первые века нашей эры на территории Кушанской империи, вероятнее всего в Средней Азии, был создан буддийский сборник нравоучительных рассказов, известный под названием «Мудрец и дурак». Около 445 г. этот сборник был переведен в Хотане (Центральная Азия) с местного, вероятно хотанского, языка на китайский, а позднее, около IX в., на тибетский. Оба перевода, которые представляют две разные версии сборника, сохранились до наших дней.

Сборники такого типа создавались на основе древних легенд, преданий, притч и сказок, большинство из которых первоначально не имело к буддизму никакого отношения. Все эти легенды, притчи и т. д. объединялись в одно композиционное целое тем, что рассказ велся от лица самого Будды. При этом часто предполагается, что Будда рассказывает

¹⁵ Ibid., p. 21—27.

о своих прошлых перерождениях, т. е. что когда-то, сотни или тысячи лет тому назад, он был таким-то лицом, с которым произошла такая-то история.

Две истории из сборника «Мудрец и дурак» содержат эпизоды, очень близкие тем, которые есть в начале Повести и в начале биографии Будды. В одной из этих историй рассказывается следующее. У одного могущественного царя не было детей. Он молился всем богам, чтобы у него родился сын. В конце концов у царя рождается очень красивый сын с кожей золотистого цвета. Для принца было построено четыре дворца, по одному на каждый сезон года. Когда сын подрос, то он преуспел во всех науках и стал мудрым во всех книгах.

Далее говорится, что однажды принцу захотелось прогуляться за пределами своих дворцов. Когда он трогался в путь, играла музыка, а дорога, по которой он ехал, была подметена, украшена знаменами, усыпана цветами. По дороге принц встречает тяжело больных и обездоленных людей, которые просят подаяния. Он потрясен несчастьями людей и, рыдая, возвращается домой. Затем он встречает мясника, пахаря, охотника и других людей и узнает о тех страданиях, которые испытывают живые существа этого мира. Рассказ заканчивается тем, что принц привозит из-за моря волшебный камень, с помощью которого делает всех людей счастливыми. Сообщается, что эта история произошла с самим Буддой в одном из его прошлых перерождений.¹⁶

В другой истории рассказывается о том, как в древние времена у одного царя родился необыкновенно красивый сын с кожей золотистого цвета, а на голове у него сиял драгоценный камень. Предсказатели пророчествуют: «Нет равных этому принцу среди людей и богов. Если он останется в доме, то будет царем всего мира, а если станет отшельником, то достигнет совершенства». Когда принц стал взрослым, то сделался отшельником, занимался совершенствованием и достиг состояния «будды», т. е. высшей святости.¹⁷

Современников Будды (V—IV вв. до н. э.) вряд ли особенно интересовал период его детства и юношества: в древнейших сохранившихся рассказах о нем этот период его жизни не упоминается, а сам он избегал говорить на эту тему. В дальнейшем, когда создавалась его полная биография, возникла необходимость осветить малоизвестное время его жизни. Этот пробел был заполнен отрывками, взятыми из разных рассказов на тему о царе и его праведном сыне, вроде тех, которые были приведены выше.

Если в Повести рассказ о детских и юношеских годах Иоасафа-Будасфа является частью органического целого, то в биографии Будды его неуместность уже давно обращала на себя внимание. В этой связи В. П. Васильев писал: «Вероятнее всего можно предположить, что Сиддхарта (т. е. Будда, — *Б. К.*) был не добровольным изгнанником, вследствие семейных неудовольствий, но скорее по политическим интригам. Есть легенда о том, что, когда Будда проповедовал уже свое учение, Вирудака истребил весь Шакьянский род. Кто знает, что это происшествие не случилось несколько ранее и что Сиддхарта не пострадал от него и должен был скитаться и гораздо проще, чем рассказывает легенда, понять всю суетность мира, все мучения, которые происходят от внешних предметов, к которым прилепляется дух. . .».¹⁸

¹⁶ Der Weise und der Thor. Aus dem tibetischen übersetzt und mit dem Originaltexte herausgegeben von I. J. Schmidt. Th. I, II. St. Petersburg, 1843; Th. I (Der tibetische Text), S. 210—211; Th. II (Die Übersetzung), S. 262—265.

¹⁷ Ibid., Th. I, S. 264; Th. II, S. 331.

¹⁸ В. П. Васильев. Буддизм, его догматы, история и литература, ч. I. СПб., 1857, с. 9—11.

Буддийская традиция упоминает в числе первых буддистов, последователей Гаутамы, его близких и родственников: жену и сына Рахулу и двоюродных братьев Девадатту и Ананду. Весьма вероятно, что именно эти вынужденные и печальные обстоятельства, приведшие Будду к изгнанию, были одной из причин, послуживших к созданию новой биографии Будды с использованием источников, не имевших первоначально к нему прямого отношения.

В арабской версии Повести имеется немало вполне очевидных признаков того, что это сочинение, имея в своей основе отдельные индийские мотивы, все же не является переводом или пересказом с какого-либо из индийских языков, а было целиком создано за пределами Индии, т. е., вероятней всего, в Персии или Средней Азии.

Остановимся сначала на некоторых именах, встречающихся в Повести: ал-Будд, Будасф, ал-Бахван. Ал-Будд — это будда, от санскритского глагола «будх» — «просыпаться, узнавать»; существительное от этого глагола — «буддха» — означает «знающий, мудрый». В буддийской литературе термином «будда» стали обозначать личность, достигшую высшего озарения, которая благодаря этому почти полностью выходит из материального мира страданий. В индийских памятниках буддийской литературы Гаутама, основатель буддизма, обычно именуется не «будда», а «бхагаван». Исторически бхагаваном назывался, вероятно, старейшина, лицо, которое распределяло продукты среди членов семьи или племени, выделяя каждому его долю. Слово «бхагаван» образовано от слова «бхага» — «доля, часть». В Повести ал-Бахваном, т. е. бхагаваном, именуется один из идолопоклонников-аскетов того времени, тогда как Будда жил за триста лет до описываемых событий.

Имя одного из главных героев Повести — Будасф — также не является именем собственным, а образовано от термина «бодхисаттва» («совершенный дух»), которым обозначается личность, находящаяся на пути к озарению («бодхи»), но еще не достигшая полного состояния «будды». Фонетическая форма имени Будасф отражает согдийское произношение, т. е. указывает на Среднюю Азию. В сборнике рассказов «Мудрец и дурак», на который мы уже ссылались, упоминается много разных будд и еще больше бодисатв, т. е. лиц, которые прославили себя в разные эпохи распространением истинного учения и совершили подвиги во имя этого учения, притом во многих случаях задолго до того, как появился Гаутама. Видеть в Будасфе-Бодисатве основателя буддизма нет никаких оснований.

В имени Будасф-Бодисатва можно видеть указание на то, что история, в которой он является героем, была включена в сборник «джатак», сборник историй о перерождениях Будды. Как уже говорилось выше, разные истории объединялись в одно композиционное целое тем, что их рассказывает сам Будда. Следы композиционных построений, характерных для этих сборников, сохранились в Повести: некоторые из притч даются от лица ал-Будды.

В Повести неоднократно упоминается имя Будды, а также его житие и даже приводятся две притчи, приписываемые Будде.¹⁹ В этих притчах — о двух братьях, о принцах и обезьянах — проповедуется идея аскетизма и подвижничества, более свойственная христианству, чем буддизму.

В Повести есть рассказ о каком-то звере Анка и его детенышах. В нем рассказывается о том, что, когда Будда умирает, его тело уносит какой-то хищный зверь по имени Анка и кормит им своих детенышей, которые благодаря этому прозревают: «Эта еда доставила нам ту праведность,

¹⁹ Повесть о Варлааме пустыльнике... , с. 145—147.

к которой мы стремились, и при ней мы ни в чем больше не нуждаемся. . .».²⁰

В сборнике «Мудрец и дурак» есть немало рассказов, в которых говорится о том, как Будда в прошлых перерождениях жертвует своим телом, скармливая его животным, птицам и даже демонам, которые благодаря этому становятся в будущем учениками Будды, т. е. прозревают и становятся на путь истинный.

Судя по притче о звере Анка, кто-то из составителей Повести слышал историю о том, как Будда в одном из прошлых перерождений пожертвовал своим телом, чтобы спасти от голодной смерти детенышей какого-то зверя, но почти ничего не понял, а главное — решил, что это самого основателя буддизма, Гаутаму, съели дикие звери.

Непонимание создателями Повести терминов «будда», «бодисатва» и «бхагаван», путаница в их употреблении — явление также невозможное для памятника индийской литературы. Можно было бы предположить, что эти недоразумения с буддийскими сюжетами и именами возникли в результате неправильно понятого перевода, если бы Повесть в целом, от начала до конца, не была полна рядом других особенностей, отражающих черты быта, климата, географии и идеологии Персии или Средней Азии.

Так, в Повести рассказывается о том, как царь страны Шавилабатт приказал преследовать всех отшельников в своей стране и сжигать их в огне. Далее следует пояснение, что отсюда идет обычай в земле индийской самосжигания и сжигания мертвых.²¹ Здесь не только незнание индийской истории и непонимание ее обычаев, но и чисто персидское отношение к огню, который нельзя осквернять грязными и нечистыми предметами.

Рассказ о дрессировке собак и хищных птиц для охоты более уместен для быта Персии: «Хозяева берут себе хищных птиц и собак и бьют их, и морят голодом, чтобы они были упорнее для них в охоте и усерднее для них в отыскании дичи. . .».²²

В другом рассказе говорится о знатном горожанине, который закалывает овец и коров, чтобы устроить угощение.²³ Убийство коровы — святотатство, немислимое для Индии. В то же время овцы, как и упоминаемый в другом месте верблюд,²⁴ — животные, более уместные для Средней Азии.

Некоторые из притч отражают особенности географии и климата Персии. В одной из них говорится о пасущем овец в пустынной земле и об источниках, которые бывают «. . . глубиною в рост человека или двух человек, и есть скудные, глубокие, и есть совсем безводные, где никогда не достается вода».²⁵ В другой притче говорится о пустыне безводной, кишасей разбойниками, зверьями, гадами, посредине которой сад прохладный с деревьями плодоносными.²⁶

Особенности же индийской географии и климата в Повести никак не отражены.

В Повести есть вполне очевидные следы христианства, например притча о сеятеле, которая рассказана очень близко к тексту Евангелия от Матфея (XIII, 3—8): «Сеятель вышел с добрым семенем своим, чтобы посеять его. И когда он наполнил горсть свою им и разбросал его, часть его упала на край дороги, и сейчас же подобрали его птицы. И упала часть его на скалу, которую покрывала вода, и влажность, и глина, и когда

²⁰ Там же, с. 116—118.

²¹ Там же, с. 35—36.

²² Там же, с. 104.

²³ Там же, с. 129—130.

²⁴ Там же, с. 50.

²⁵ Там же, с. 60.

²⁶ Там же, с. 86—87.

оно проросло, корни его дошли до сухой скалы, и оно умирает. И упала часть его на землю, полную терниями, и когда оно дало колос и готово было созреть, тернии задушили его и умертвило его. И немного из него упало на землю добрую, очищенную, и уцелело, и взросло, и поспело, и поднялось».²⁷

Но дело не ограничивается одним пересказом евангельского сюжета. У Матфея после притчи идут следующие высказывания: «Кто имеет уши слышать, да слышит», и далее: «Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат и не понимают». В Повести, после рассказа о сеятеле, эти слова интерпретируются следующим образом: «...сеятель — это носитель мудрости, и доброе семя — слово истины. И то, что упало на край дороги так, что его поклевали птицы, это то, которое — едва только оно дойдет до слуха — пройдет мимо. А то, что упало на влажную скалу и потом засохло, когда корни его дошли до скалы, — это то, которое слушающий, когда услышит его, на некоторое время считает сладким, пока сердце его не занято, и которое он понимает разумом своим, но которое он не закрепляет ни памятью, ни волей, ни умом. А то, что выросло и почти уже дало плод и потом было погублено тернием, — это то, которое слушающий его воспринял и уразумел, но которое, когда наступило время дела, а оно — плод его, было задушено страстями и загублено ими. А то, что упало на землю добрую, и уцелело, и взросло, и поспело, — это то, которое глаз себе добыл, и слух воспринял, и сердце удержало и которому твердое решение укротить страсти, и очистить сердце от грязи, и действовать сообразно ему дало силу проникновения».²⁸

Таким образом, основная идея этого комментария сводится к следующему: сеятель — это носитель мудрости. Для спасения же каждого человека необходимы прежде всего разум и знание.

В Повести примату знания над всем остальным, если речь идет о вере, уделяется первостепенное значение: «Лучшее знание то, которое ведет к познанию бога всевышнего и к свершению добрых дел».²⁹ В другом месте утверждается, что мудрость «... есть свет, который просвещает слепоту и за которым нет мрака...»,³⁰ «... души могут рассчитывать на жизнь и спасение не иначе, как посредством знания, и веры, и добрых дел»,³¹ но к высшей цели ведет прежде всего знание.³²

Утверждение, что мудрость и знание — основное условие для спасения, характерно для раннего христианства, в котором были сильны идеи гностицизма. Хотя у нас нет сейчас серьезных оснований считать предполагаемый среднеперсидский прототип Повести и его арабский перевод манихейскими по своей идеологии, исключить эту возможность мы тоже не можем. Мы просто не знаем со всей определенностью, чем отличалось учение Мани (III в. н. э.) от христианской школы епископа Маркиона, которая утвердилась в Персии в первые века нашей эры, или же от других направлений раннего христианства, процветавших на Востоке.

Как мы полагаем, Повесть, сборник нравоучительных рассказов, завоевавший мировую популярность, была первоначально создана на северо-востоке Ирана или в Средней Азии, поскольку именно там до арабского завоевания особенно тесно соприкасались христианская и буддийская культуры.

²⁷ Там же, с. 45—46.

²⁸ Там же, с. 46.

²⁹ Там же, с. 45.

³⁰ Там же, с. 58.

³¹ Там же, с. 179.

³² Там же, с. 72.